

В. Б. Помелов

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬ
ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ
ЕПИСКОП ЛАВРЕНТИЙ ГОРКА**

УДК 37(09)(470.342)
ББК 74.0392)5-218 Горка Л.

В статье раскрывается содержание просветительской деятельности епископа Лаврентия Горки, создателя первой школы на Вятской Земле; показаны социально-политические условия, в которых проходил этот начальный этап просвещения.

Ключевые слова: Вятская Земля; император Петр I; императрица Анна Иоанновна; Лаврентий Горка; Феофан Прокопович; М. Е. Финицкий; Василий Лещинский; Иоаким Богомедлевский; Вятская славяно-латинская школа.

V. B. Pomelov

**AN OUTSTANDING ENLIGHTENER
OF THE VYATKA REGION
THE BISHOP LAVRENTY GORKA**

In the article the educational activities of the bishop Lavrenty Gorka, the founder of the first school in the Vyatka region, are described. The socio-political conditions, which influenced the initial stage of the process of the enlightenment, are shown.

Key words: Vyatka region; the Emperor Peter the First; the Empress Anna Iohannovna; Lavrenty Gorka; Pheophan Prokopovich; M. E. Finizky; Vasily Leschshinsky; Ioakim Bogomedlevsky; the Vyatka Slavonic-Latin school.

Первые шаги по развитию государственного просвещения в России традиционно связываются с деятельностью императора Петра I в первой четверти XVIII в. Образование, как составная часть петровских реформ,

было вызвано к жизни важными социально-политическими и экономическими причинами, такими, как политическое лидерство дворянства; укрепление позиций купечества и промышленников; складывание ре-

жима абсолютизма; создание новой армии; трансформация системы государственного управления и появление большого количества чиновников. Преобразования требовали грамотных, образованных людей, которых в России крайне не хватало. Кроме того, на пути первых российских деятелей образования и просветителей было немало труднопреодолимых препятствий, среди которых необходимо выделить нехватку учителей, материальных средств, книг и учебных пособий, непонимание в местном обществе значимости образования, неготовность обывателей воспринимать «книжное учение».

С решением этих проблем не могли справиться люди, действовавшие, в лучшем случае, по приказу вышестоящего начальства, но в душе противившиеся нововведениям. Временем были востребованы духовные проповедники другого склада мыслей и образа действий, а именно яростные поборники петровских преобразований, настоящие борцы за дело просвещения. Таковым в историю Вятского края вошел епископ Вятский и Великопермский Лаврентий — (Горка), деятельность которого дала мощный толчок к развитию просвещения на Вятской Земле. Краткая по времени (1733—1737), но очень плодотворная деятельность Лаврентия Горки «на Вятке» оставила заметный след в местной истории, стала одним из главных региональных духовных событий XVIII в. Именно с созданной им здесь школы фактически ведет свой отсчет просвещение в этом крае.

Создание передовых для того времени учебных заведений, таких, как

школа математических и навигационных наук, инженерная, артиллерийская и хирургическая школы, славяно-греко-латинская академия и др. было характерным явлением для столичных городов — Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. В провинции же по-прежнему царили отсталость и неграмотность; региональной образовательной среды как таковой практически не существовало, во многом и потому, что население в массе своей не видело большого смысла в овладении грамотностью. В то же время, согласно требованиям «Духовного регламента» (1721), составленного выдающимся общественным и религиозным деятелем петровской эпохи Феофаном Прокоповичем, уже предписывалось создавать архиерейские школы для детей духовенства.

Религиозное мировоззрение по-прежнему оставалось доминирующим в общественном сознании, и данное обстоятельство во многом предопределило своеобразие создававшихся в тот исторический период школьных учреждений. С одной стороны, это были русские школы, в которых преподавались учебные предметы на русском языке и был очень силен элемент православной религиозности. С другой стороны, школьные «фундаторы» должны были учитывать современные общественные веяния и изучать «европейские науки» (латынь, математика, история и география, начатки естествознания и пр.). Такой двойственный характер явственно прослеживается в деятельности первых вятских просветителей и, прежде всего, епископа Лаврентия Горки.

Лаврентий (в миру — Андрей) Горка родился в 1671 г. в небольшом городке Лавров, близ г. Львова. По окончании Киево-Могилянской духовной академии, одного из крупнейших учебных заведений России того времени, он преподавал в нем вместе со своим другом Феофаном Прокоповичем (1681—1736), вел курс «пиитики» (с 1706 г.) и риторики (1708—1710 гг.). Л. Горкой была написана трагикомедия «Иосиф» (1708) на традиционный библейский сюжет, составлен курс «пиитики» («*Idea artes poeseos...*», Киев, 1707). В своих учебниках Прокопович и Горка выражали любовь к лучшим произведениям античной литературы, приводили отрывки из произведений Вергилия, Горация, Овидия.

Хотя Горка был по возрасту старше Прокоповича, он смотрел на своего друга, вскоре ставшего ректором академии (в 1711 г.), а впоследствии и иерархом русской православной церкви, «снизу вверх», считал его своим руководителем в науке, называл себя смиренно «братом во-вторых Феофана Прокоповича». Ф. Прокопович был одним из самых ярких сторонников преобразований Петра Великого. Нередко свои проповеди он посвящал светским темам, например, прославлению побед русского оружия, восхвалению царя-реформатора. Не забывал он и о необходимости просвещения.

В 1710 г. Л. Горку за отличие по службе утвердили игуменом Выдубицкого монастыря в Киеве. В 1722 г. он стал архимандритом Воскресенского монастыря на Истре. В тот же

год по ходатайству Феофана Прокоповича Горка был приглашен в Санкт-Петербург и назначен обер-иеромонахом армии и флота. За свою ученость и усердие Горка заслужил особенное благоволение императора и 8 сентября 1723 г. был назначен епископом в Астрахань, где служил до 1727 г. Далее он служил епископом в Великом Устюге (1727—1731), Рязани (1731—1733) и, наконец, в Хлынове (1733—1737), — главном городе Вятской земли.

25 сентября 1733 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о перемещении Рязанского архиерея Лаврентия Горки за его «продерзости» на Вятку, а Вятского архиерея Алексея Титова — в Рязань. На следующий день Святейший Синод утвердил этот указ. Служение в Рязанской епархии, расположенной вблизи Москвы, считалось более почетным, в то время как город Хлынов уже тогда слыл местом ссылки, куда несколькими годами ранее был отправлен и архиерей Алексей Титов.

Торжественная встреча нового вятского владыки произошла 9 сентября в церкви Всех Святых. Хлыновцы были удивлены скорым приездом Лаврентия, последовавшим на пятый день после отъезда епископа Алексея. Лаврентий был архиереем совсем другого типа по сравнению со своими предшественниками. «Привыкшие к важному, тихим, размеренным движениям и речам старо-русских предместников, они (хлыновцы — В. П.) увидели перед собой характерного малоросса, были изумлены его подвиж-

ностью, необыкновенной живостью его речей и жестов»¹.

В ходе подготовки к открытию школы, первой в Вятском крае и в Предуралье, Л. Горке пришлось столкнуться со многими трудностями (отсутствие учебных пособий, учительских кадров, средств, помещений и т. п.). Но самым большим препятствием было активное сопротивление со стороны части местного духовенства, закосневшего в невежестве и не желавшего получать в лице учащихся будущих конкурентов на занятие «лучших священнических мест». Епископу пришлось отрешать от должности священнослужителей, мешавших работе школы, причем в ряде случаев меру наказания определял Святейший Синод, к помощи которого Лаврентий Горка был вынужден прибегать.

Помощниками первого вятского просветителя оказались люди грубые и невежественные, которые в ответ на упреки и внушения Горки стали его открытыми врагами. Решительное противодействие Лаврентий Горка встретил даже там, где он был вправе ожидать помощи в первую очередь. Лица, стоявшие во главе хлыновского духовенства, такие, как архимандрит Успенского Трифонова монастыря Александр Корчемкин, протоиерей Троицкой церкви Артемон Шубин, ключарь Никита Клобуков не только высказывали прямое порицание де-

ятельности своего епископа, но первые двое даже самовольно оставили Хлынов и отправились в Святейший Синод с наветами на Л. Горку.

Доносы на епископа продолжались в течение всего периода его деятельности в Хлынове. В ответ на это в «доношении» Святейшему синоду в мае 1834 г. он писал: «В многообразном и нестерпимом гонении от врагов, всемирно у Святейшего Синода прошу крепкого защищения и помощи, ибо за таким гонением нельзя мне и жить, не токмо епархию управлять. Все единодушно на мое зло настроены и развращены, все безмерно на соблазн прочим распустились, все не слушают; иные бегают, другие укрываются и неисповедимые пакости мне творят... Хотел я и учения славяно-латинския в епархии Вятской заводить и учителей из Киева двух человек мирских вызвал; но за таким гонением и противностями ждать доброго невозможно»².

Важным направлением деятельности епископа Лаврентия было «выправление» хозяйственного положения архиерейского дома, которое ко времени приезда Л. Горки в город Хлынов в 1733 г. было плачевным. От предшественника не осталось не только домовая денежная казна, но был долг в коллегию экономии в размере 529 р. 34 к.³

¹ *Верещагин А. С.* Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Эпизод V. Архиерейство на Вятке // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1902 г. Вятка, 1901. С. 50–102. С. 56.

² *Верещагин А. С.* История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868, № 1. С. 4–19. С. 18–19.

³ Там же. С. 13.

Тем не менее, новый епископ незамедлительно приступил к созданию школы. Для того чтобы иметь средства к обустройству школы, Л. Горка разослал по всей епархии указ о том, чтобы попы, дьяконы, дьячки, пономари, сторожа и просворницы «немедля» явились к нему «все необходимо». Л. Горка принимал являвшихся к нему духовных лиц, подробно расспрашивал их о доходах и определял сумму, которую каждый из них беспрекословно должен был внести на содержание школы.

Он требовал, чтобы все монастыри и пустыни доставили «ни мало не медля» в архиерейский дом двадцатую долю хлеба, которую они должны были поставлять уже в течение десяти лет. Однако ни одно распоряжение епископа не было принято к исполнению быстро и охотно.

Священнослужители являлись «с великою неохотою и тое самое малое число», а остальные, в течение почти целого года, по ноябрь 1734 г. «вовсе не являлись». В 1734 г. двадцатой доли хлеба не передал ни один монастырь. Никто даже не представил ведомости о количестве хлеба, подлежащего «выделу» (то есть выделению) для нужд школы.

Неоценимую помощь Горке в этот период оказал вице-президент (с 1721 г.) Святейшего Синода архиепископ Феофан Прокопович. При его содействии некоторые «закачки» были смещены. Александр Корчемкин, бежавший в Рязань после своего доноса на Л. Горку в Москве, был схвачен и казнен. Другие церковнослужители, выказывавшие невнимание

к указанию Л. Горки, были вызваны в крестовую палату и получили надлежащее «вразумление». В итоге, противостояние епископа Лаврентия и реакционеров-священнослужителей на некоторое время ослабло.

Для лучшего учета Л. Горка завел ведомость прихода и расхода «и об остатке хлеба и денежной казны, собираемых с монастырей двадцатой доли на содержание семинарии». В ней по различным разделам указаны поступления хлеба в «четвертях» и «четвериках», денег — в рублях и копейках; отмечается, сколько следует купить овса, толокна, ржи, яровых и т. п. К 1735 г. уже большая часть духовенства внесла в архиерейскую казну деньги на содержание школы, а с начала 1735 г. стала вносить и «двадцатую долю». Тем самым, материальные средства для открытия школы были изысканы. Школа была устроена в архиерейском доме. Она размещалась в одной большой двухэтажной и трех небольших деревянных избах, находившихся внутри ограды архиерейского дома.

Непростыми были и поиски «годного для обучения студентов человека к себе на Вятку». Найти учителей оказалось делом нелегким. Киевские богословы крайне неохотно отзывались на приглашения архиереев занимать должности в провинциальных школах. Между тем, Л. Горка в своем стремлении совершенствовать организацию обучения устанавливал культурные и научные связи с известными центрами просвещения и развития педагогической мысли. С этой целью он пишет письмо в свою «альма матер» — Киево-Могилянскую духовную ака-

демию, которая, как отмечалось в его льстивом послании «изобиловала учеными людьми» и «от нея, аки от пресловутых оных Афин, вся Россия источник премудрости почерпает и вся своя новозаводимыя училищныя колонии напаяет и изращает. Академия Киевская еще умножит себе славу, егда и в Вятскую колонию извезет на жатву делателей и поможет собирать плоды богоугодные и душеспасительные»¹.

Через посредничество священника Московского Благовещенского собора Иакова Буявинского, который «снесся с киевскими студентами», удалось пригласить в Хлынов студента класса философии Михаила Евстафьевича Финицкого (около 1705 — после 1787). Он согласился приехать в Хлынов только тогда, когда получил согласие Л. Горки на свои условия — годовое жалованье в 72 рубля². М. Е. Финицкий приехал в Хлынов в апреле 1734 г. Именно М. Е. Финицкого можно с полным основанием считать первым учителем на Вятской земле, а Лаврентия Горку — первым просветителем, первым организатором просвещения.

В тот же год появился и второй учитель из студентов Киево-Могилянской духовной академии — Василий Лещинский. Третьим учителем школы стал ученый иеромонах Иоаким Богомедлевский, обучавшийся в молодости в шести европейских университетах. По навету он был осужден и свое за-

ключение отбывал в Пермской Земле, в Чердыни, в «Чюсовских городках», откуда Л. Горка его и освободил.

Таким образом, проблема учительских кадров на первое время оказалась решенной. Первые учителя Вятской школы имели достаточно высокое для того времени образование, были гуманными и доброжелательными по отношению к детям наставниками. В школе были исключены физические наказания.

Особую заботу Л. Горка проявлял о приобретении книг. Он составил реестр «книг латинских», которые закупались в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Астрахани, Рязани, Великом Устюге. В школьной библиотеке имелись произведения Гомера, Данте, Цицерона, Сенеки, Горация, Овидия, Петрония, Вергилия и других классических авторов, а также лучшие для того времени учебные пособия, например, учебники Эммануэля Альвара по началам латинского языка, так называемые «Альваровы рудименты».

Обязательное открытие при школах библиотек особо оговаривалось в «Духовном регламенте». Согласно одному из его положений, пользоваться книгами преподаватели и ученики должны были в специальной «библиотечной конторе». Предусматривалась также выдача книг на дом. Вводилась регламентация работы библиотек («А ученикам и прочим охотникам отворять библиотеку в уреченные дни и часы»). Для архиерейских школ по

¹ *Верещагин А. С.* История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868, № 1. С. 4–19. С. 12.

² *Верещагин А. С.* Ученый южнорус на Вятке в XVIII в. // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1895 г. Отдел IV. Вятка, 1894. С. 302–321. С. 315.

всем епархиям было разослано 900 букварей и 920 грамматик, которые положили начало школьным библиотекам. Л. Горка отдал в школу все книги богатейшей для того времени своей личной библиотеки.

Составленная после смерти Л. Горки опись его библиотеки включала 355 книг, причем две трети из них были на иностранных языках: на латинском, греческом, еврейском, польском. Третью часть составляли книги светского содержания — сочинения по истории, философии, филологии, риторике и географии, юридическая и художественная литература¹. Некоторые рукописи из библиотеки школы, (впоследствии ставшей духовной семинарией), созданные преподавателями и учащимися сохранены и поныне. Кстати, в одном из конволютов, некогда принадлежавшем Горке, а ныне хранящемся в Кировской областной научной библиотеке им. А. И. Герцена, имеется прижизненное издание сочинений Т. Кампанеллы. Среди сохранившихся в «Герценке» книг из школы Л. Горки есть сборник упражнений в пиитике, включающий стихи преподавателей Вятской семинарии М. А. Ушакова и Г. С. Шутова².

В семинарской библиотеке хранились стихотворные посвящения учеников важным событиям и отдельным лицам. Оригинальные произведения содержит ученическая тетрадь Агафона Свешникова — будущего протоиерея Спасского собора, относящаяся к середине XVIII в³.

Лучшая часть библиотеки семинарии, «за особливой их редкостью», была передана в 1741 г. в распоряжение Синода по его настоятельному требованию⁴. В Хлыновской школе остались, по данным описи 1739 г., 34 книги, а по другим данным — 42, переданные Горкой еще при жизни в школьную библиотеку⁵. Даже после смерти Л. Горки в семинарию продолжали некоторое время приходиться выписанные им «на суммы архиерейского дома» сочинения на латинском языке.

Теперь, когда задачи хозяйственного обеспечения работы школы, подбор учителей, приобретение книг были, в основном, завершены, дело стало за набором учащихся из детей «лучшего священства», многие из которых стремились в массе своей избежать учения. Духовенство считало отправку детей в школу своей самой

¹ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976. 420 с. С. 292–293.

² Вятский архиерейский дом и архиерейские вотчины 1827 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Выпуски 1-2, отдел 3. Вятка, 1916.

³ Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н. Археографические экспедиции отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в 1953–1956 гг. М., 1956. С. 256–301. С. 256.

⁴ Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868, № 1. С. 4–19. С. 30.

⁵ Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н. Археографические экспедиции отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в 1953–1956 гг. М., 1956. С. 256–301. С. 278.

тяжелой повинностью. Л. Горкой было сделано распоряжение о «наборе робят» в архиерейский дом для помещения их в латинскую школу. Он потребовал, чтобы все священнослужители привели к нему своих детей, начиная с семилетнего возраста «без малейшего замедления», под «опасением» самой строгой ответственности в случае утайки детей или медленного исполнения архиерейского указа.

«Духовным регламентом» и новым указом Анны Иоанновны (1731 г.) архиереям предлагалось брать в школы и детей «лучших градских детей», а «тех, которые из них в школе быть не похотят, иметь в школы и неволею»¹. Поэтому Л. Горка сделал распоряжение о наборе в школу детей лиц гражданского ведомства и даже военных, находившихся тогда в ведении духовной власти. Однако поначалу всего несколько священнослужителей, и то из близлежащих к Хлынову монастырей, привели своих детей учиться; «остальные всеми возможными случаями старались укрыться от школы»².

Большая часть «закащиков» (благочинных), на которых было возложено исполнение приказа о наборе детей, не подумали его выполнять и «во всем явились ослушны и указу противны». Например, из 110 священнослужительских детей Чердынского «заказа» не было направлено в школу ни одно-

го в 1734–1735 гг. Провинциальная канцелярия также не направляла в школу детей приказных и посадских³.

Подобное невнимание вятского общества к школе объяснялось низким духовным и материальным уровнем тогдашнего населения края, несформированностью региональной образовательной среды. Неприязненное отношение к проводимым реформам было намного сильнее выражено именно в глухой вятской провинции, по сравнению с центральными регионами России. «На Вятке» практически не было образованных людей, сторонников петровских реформ, да и о самих реформах люди имели самое смутное представление.

Важным препятствием на пути распространения просвещения выступало то, что люди в провинции зачастую не видели ощутимой выгоды знаний. К тому же, если бы Горка заводил школу православно-славянскую, это нашло бы больше понимания у хлыновцев. Как-никак в то время «на Вятке» были грамотные люди, которые «ведали», что «издревле бы обычай детоводцем учить дети малыя — в начале азбуке, потом часослову и псалтири, то же писати». Поэтому по всей вероятности в случае открытия православно-славянской школы и не было бы такого сопротивления. Однако Горка «измыслил заводить» именно «школу латинскую», чтобы учить

¹ *Верещагин А. С.* История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868, № 1. С. 4–19. С. 14.

² *Преснецов Р. М.* «Который первый здесь науки насадил» // Краеведческий сборник «Вятка» // под ред. Е. Д. Петряева. Киров, 1975. С. 107–112. С. 107.

³ *Верещагин А. С.* История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868, № 1. С. 4–19. С. 16.

в ней «неведомо каким» наукам. Во времена, когда практически все население не владело грамотой даже родного языка, учителя-«латынщики» не могли не вызывать неприязни. К тому же, изучение латыни воспринималось вятчанами как своего рода предпочтение католицизма в ущерб православию.

Не ограничиваясь призывами, Л. Горка послал в конце 1734 г. в «заказы» нарочных «розсыльщиков» и приставов духовного приказа для сыска укрывающихся от школы, приказал привозить последних в Хлынов, а в случае сопротивления «вязать их», «заковывать в колодки» и отправлять партиями в архиерейский дом «за надлежащим караулом».

В числе учащихся школы Л. Горки, помимо детей протопопских, поповских, дьяконских, причетнических, сторожевских, просфирнических, были также дети подъячих архиерейского приказа, монастырских стряпчих, сержантов, поручиков и капитанов, живших при Успенском монастыре. По отношению к ним Горка употреблял те же самые «побудительные меры», что и по отношению ко всему духовенству в целом. Он стремился к определению в школу детей и посадского сословия, составлявшего тогда почти исключительно все население г. Хлынова. Сначала он обычно действовал увещеваниями: приглашал к себе лиц, «более значительных между посадскими», лично беседовал с ними о пользе учения, старался привлечь и самих детей посредством обещаний и

подарков. В случае же неуспеха разговора прибегал к угрозам.

Подобное обращение с детьми не было в то время чем-то чрезвычайным. Само правительство рекомендовало тогда такой способ действий. Поэтому Горка лишь выполнял указания верховной власти. Когда удавалось набрать несколько будущих школьников, «розсыльщики» ехали с ними в другое место, пока не набиралось 10—15 детей, которых и привозили в Хлынов, — если только те не успевали сбежать по дороге, — и сдавали под расписку в духовный приказ.

Столь решительные и грубые меры возбудили к Горке еще больший страх и ненависть со стороны некоторых обывателей. Тем не менее, к началу 1735 г. удалось собрать до четырехсот учеников в возрасте от 7 до 25 лет. Но Л. Горка действовал не только кнутом, но и пряником. Он «побуждал духовых, в надежде лучшего священства», то есть обещая назначения в более богатые приходы, отдавать в школу своих детей, обязывая в назначенные сроки предварительно обучить их на дому пению, чтению и письму, «под опасением лишать непослушных священства и чинов»¹. Однако самовольные побегы детей из школы не были редкостью. Тогда Горке снова приходилось посылать «розсыльщиков». Таким образом, используя методы принуждения и поощрения, Л. Горке удалось, несмотря на сильнейшее противодействие, в 1734 г. открыть школу. По отношению к учащимся своей школы Горка проявлял гуманность.

¹ Никитников Г. А. Иерархия Вятской епархии. Вятка, 1863. 214 с. С. 30.

Тем не менее, условия содержания нельзя было признать благоприятными: дети проживали в холодных монастырских кельях, скудно питались и поэтому нередко убегали домой. За «утеклецами» снаряжалась погоня. Дети «недостаточных» родителей, не имевшие родственников в Хлынове, помещались на готовое содержание и получали питание, одежду и книги бесплатно. Но большая часть учеников была на содержании родителей и посещала школу только на время уроков.

Л. Горка уделял большое внимание рациональной организации работы школы, взяв при этом за образец свою «альма матер» — Киево-Могилянскую духовную академию. Это проявилось, прежде всего, в выборе предметов для обучения и особенностях построения учебного процесса. После того как в первый учебный год «профессор» Финицкий обучил учащихся «верхней школы» «Алваровым рудиментам», а «инспектор нижней школы» Лещинской с начинающими учениками одолел основы славянской грамоты, Горка уже со второго года работы школы выделил шесть классов, получивших названия по основному учебному предмету (фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика).

Разумеется, различие между рассматриваемыми двумя учебными заведениями, одно из которых было школой в предуральском захолустье, а другое — учреждением российского масштаба, далеко не ограничивалось лишь отсутствием в вятской школе, в сравнении с Киевской академией,

двух старших классов (философии и богословия), однако само стремление Л. Горки ориентироваться на лучшие образцы при устройстве учебного заведения способствовало укреплению авторитета его школы, повышению качества обучения в ней и, несомненно, было одной из важнейших сторон его просветительской деятельности на Вятской земле.

Обладая жестким характером, Л. Горка проводил, подобно Петру I, «варварскими методами борьбу против варварства», чем вызывал недовольство среди местного духовенства. Однако его деятельность, конечно, носила прогрессивный характер, за что он и получил впоследствии в народе почетное звание «просветителя Земли Вятской». Заложенный Л. Горкой интерес к чтению среди вятчан выразился, например, в том, что спустя несколько лет после его смерти и восстановления пришедшей было в упадок школы, за границей было выписано для семинарии книг «избранных церковных и лучших классических писателей» на 1500 рублей. Система образования и воспитания в школе Л. Горки закладывала в учениках понимание литературных ценностей, формировала вкус к творческим опытам. Учащимися переписывались и переводились с других языков отдельные учебные пособия, создавались даже оригинальные произведения, чему в значительной степени способствовали поддерживавшиеся в этом учебном заведении на протяжении всего периода его существования традиции стихотворчества и «лицедейства».

Стремясь доставить детям «приличные развлечения», Л. Горка позволял им в определенные дни и часы развлекаться играми как в самом архиерейском доме, так и во время прогулок за городом. В зимнее время, особенно перед праздниками, в школе разыгрывались духовные мистерии. Ученики школы участвовали в торжественных церковных процессиях. Воспитанники «разыгрывали действия»; в репертуар входила и трагикомедия самого Л. Горки «Иосиф». Традиции «школьной драмы» (то есть драматизации) были продолжены и после его смерти в стенах Вятской духовной семинарии — преемницы школы Лаврентия Горки, преподавателями З. О. Лятушевичем и С. С. Леонтьевым в так называемых «разговорах» — своеобразных театрализованных диалогах о добре и зле, причем это имело место уже во второй половине XVIII в., в эпоху Просвещения¹.

Основатель Хлыновской славяно-латинской школы епископ Л. Горка и его соратники и последователи были, как показывает анализ их деятельности на Вятской земле, несомненно образованными и талантливыми людьми, стремившимися служить народу на ниве просвещения. Первый «фундатор» школы, по всей вероятности, был ознакомлен с лучшими достижениями педагогической практики европейских стран, в частности, с классно-урочной системой, которая, как известно, получив известность

после Я. А. Коменского, вела, тем не менее, свое начало от братских школ Украины и Польши, то есть именно там, где прошла значительная часть жизни вятского просветителя.

Основным учебником во всех четырех классах был учебник Эммануэля Альвара, перешедший в Киев из Западной Европы еще в XVII в., а затем и в русские школы. В России он неоднократно переиздавался, несмотря на то что, по мнению историка П. Пекарского, «из всех учебников латинского языка грамматика Альвара была, может быть, самым темнейшим, так, что была непонятна не только для начинающих изучать латынь, но даже и для тех, кто знал ее порядочно»². Неудивительно, что в низших классах хлыновской школы многие «малые», «тупые и непонятные» учились по шесть-восемь лет.

Поэзия, которая изучалась в хлыновской школе, была, по существу, киевской. Русской поэзии тогда фактически просто не было. Под стихами понимали умение слагать силлабические вирши (от лат. *versus*) на латинском и славяно-русском «диалектах». Некоторые, наиболее талантливые учителя «пиитики» составляли свои собственные учебники поэтики. М. Е. Финицкий в 1741 г. усовершенствовал «пиитический» учебник Горки. Первую часть учебника занимают рассуждения о природе и целях поэзии; во второй, третьей и четвертой характеризуются ее разнообраз-

¹ Поздеев В. А. Лаврентий Горка // Энциклопедия Земли Вятской: в 10 т. Т. 2. Литература. Киров, 1995. С. 29–30. С. 30.

² Пекарский П. История науки и литературы в России при императоре Петре Великом: в 2 т. Т. 1. СПб., 1862. 420 с. С. 242.

ные жанры. Изложение сопровождается примерами из Вергилия, Горация, Овидия, причем многие стихи даны в переводах Горки.

Учебники поэтики того времени обычно содержали два отдела. В первом отделе речь обычно шла о цели поэзии, смысле и содержании поэтического «измысла»; о том, как следует подражать великим поэтам, о средствах поэтического творчества, об особенностях силлабического стихосложения; все это тогда называлось по-латински *subsidia poeseos*. Второй отдел включал сведения о различных родах и видах поэтических произведений, о поэзии «эпической, комической, трагической, элегической, буколической, сатирической, лирической и эпиграмматической». Основную часть первого отдела учебника составляли сведения из мифологии, считавшейся тогда очень важной составной частью поэзии. Здесь приводились сведения о богах и богинях Олимпа, нимфах и наядах, мифологических героях (Ахиллес) и исторических личностях (Александр Македонский). Во втором отделе, помимо определений и теории, приводились выдержки из стихов Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, а также самих составителей пособия. Давались также наставления по составлению стихов, особенно «гратуляций» — поздравительных стихов и од в честь различных высокопоставленных персон. В учебниках поэтики приводились образцы «змеиных» (*versus serpentinii*) и «ретроградских» эпиграмм. Под последними понимаются стихотворные фразы, которые могут

читаться слева направо и справа налево. Например, «*Otto tenet madidam marram madidam tenet Otto*».

Венцом наук в Хлыновской славяно-латинской школе была риторика. И здесь учителя нередко занимались по ими же самими составленным пособиям. Известны учебники вятских учителей Андрея Свирепова (или иеромонаха Трифилия) «*Regulae Rethorics*» («Правильная риторика») и М. Е. Финицкого «*Regia Tullinae eloquentiae, Wiatcensi benevolae juventuto, per professorem Michaellem Finicky, procurantem feliciter constructa*» («Чертоги Туллиевой элоквенции, написанные для вятских школьников профессором Михаилом Финицким»).

Пособия обычно включали «разсуждения» («трактации») о сущности и цели «реторики», о том, как следует «изобретать» мысль, об «орнаментах» риторической речи — тропях и фигурах. В разделе «*de arta oratoria in particulari*» излагались наставления по сочинению писем и речей поздравительных, приветственных, благодарственных, просительных, прощальных, надгробных и т. п. Здесь можно найти подробные рецепты относительно того, в каких выражениях ученик должен обращаться с родителями при выходе из дома и при возвращении домой, например, из школы; какими «тропами» и «фигурами» должен просить у старших денег, как поздравлять с Новым годом, днем рождения, христианским праздником и т. д. Здесь же даются советы о произношении и «красноречии священном», то есть краткие и сухие правила о том,

как составлять и произносить «риторические предики», — проповеди.

Умение составлять предики очень ценил Л. Горка. Он был первым проповедником в Хлынове, который сам составлял устные проповеди. Даже самая простая проповедь считалась в то время слабой и «не изящной», если в ней не было «мифологических применений». Не всегда простым, неграмотным жителям Хлынова, приходившим в храмы, были понятны «предики» первых проповедников. Но это был первый опыт живой устной речи, свободного обращения к большой массе народа. Вслед за наставлениями в умении составления и «апробации» живой проповеди упражнялись и учащиеся. М. Е. Финицкий отмечает: «В школах мною основанных, некоторые из студентов в толикую моими трудами произошла наука, что во всю покойного преосвященного Вениамина бытность поучения в церквах сказывали, також уже и в бытность вашего преосвященства, какового суть оныя учения, в самоперсональном проповедения их слушании ваше преосвященство апробовать их изволил»¹. Риторикой заключался весь круг наук, которым обучали в Хлыновской славяно-латинской школе. Правда, Финицкий в своей просьбе об увольнении от учительской должности отмечал, что он «латинского диалекта школы от самых Альваровых рудиментов (т. е. основ — В. П.) произвел своими

трудами до риторики и диалектики». И хотя в учебнике М. Е. Финицкого «Чертоги Туллиевой элоквенции...» изложение «диалектики» отсутствует, можно предположить, что требования жизни побуждали его в рамках риторического класса изучать и вопросы, относящиеся к предмету изучения в высших классах, то есть к диалектике и богословию, хотя официально в школе они не изучались. Класс риторики был открыт в 1738 г. Некоторые школьники оставались в нем по несколько лет и, «выслушав», таким образом, полный курс школы, жаловались, что «за непроизведением в школе высших наук» (то есть ввиду отсутствия классов философии и богословия — В. П.) быть им в реторике вельми стало скучно, и в оной школе они все содержатся, и токмо лета теряют напрасно»².

Не имея возможности открыть в школе высшие классы, епископ Варлаам летом 1742 г. разрешил желавшим получить высшее образование отправиться для продолжения учебы в столичные города. Так, будущий профессор медицины Константин Щепин избрал Киевскую духовную академию; Мина Мышкин и Федор Порошин, взявший впоследствии фамилию Радикорский по названию родного села, «для слышания философии и богословия» отправились в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Мышкин и Порошин

¹ Два прошения М. Е. Финицкого преосвященному Варлааму Скамницкому. 1743 и 1745 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Выпуск 3. Отдел 3. Вятка, 1905. С. 95–97. С. 97.

² *Верещагин А. С.* История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 12. С. 197–204. С. 199.

обучались в Москве более пяти лет, потом вернулись в Хлынов и были здесь в семинарии преподавателями — соответственно — поэтики и риторики. Учителя риторики и поэтики были главными учителями в школе; они руководили и школой, были «экзаминаторами» в низших классах. Ежедневно посещали они каждый класс и вели наблюдение за работой всех учителей.

Соратник и последователь Л. Горки М. Е. Финицкий, фактически возглавивший школу после смерти епископа, проявил себя и как видный поэт своего времени. Художественный уровень его «гратуляций» свидетельствует о несомненном таланте М. Е. Финицкого. Например, Л. Горке он посвятил проникновенные строки: «По умершем Лаврентии предобром пастыре / Полно все слез в сем Вятском мире...».

...10 апреля 1737г. был праздник Святой Пасхи. По окончании обедни все власти города Хлынова поспешили в архиерейский дом принести поздравления преосвященному Владыке. Но у дверей дома они были остановлены двумя верными слугами епископа — калмыками Титом и Романом, обращенными в христианство в бытность служения Лаврентия в Астрахани и последовавшими за своим господином в Хлынов. Они объявили, что «Владыка почивает» и не следует его беспокоить. Вечером того же дня, по окончании радостного пасхального звона во всех храмах города, печаль-

ные звуки соборного колокола известили горожан о том, что их архипастырь «почил тем непробудным сном, от которого возбудит его только труба архангела (Михаила — В. П.)»¹.

Несколько человек, в их числе духовник Владыки архимандрит Лаврентий Полторацкий, М. Е. Финицкий и В. Лещинский, а также два келейника были свидетелями кончины Л. Горки, последовавшей в седьмом часу вечера. Первый вятский просветитель Лаврентий Горка был похоронен в Вятском кафедральном соборе, на северной стороне, в холодном храме. В надписи на гробнице, устроенной в 1772 году, он назывался «ревностным по Бозе Иерархом, бодрым словесных овец пастырем, мудрости и благочестия любителем, крайним невежества и суеверия ненавистником». Здесь же спустя столетие были выбиты вдохновенные строки, дань памяти первому просветителю на Вятской земле:

«Всеобщий смертный рок
в сём месте мужа скрыл,
Который первый здесь
науки насадил, —
Хотя Всевышняя Власть,
что целым светом правит,
Ему и не дала конечно
их возставить.
Лаврентий Горка сè!
А кто он был таков?²
Епископ вятский, муз любитель,
богослов».

Большинство хлыновского духовенства полагало, что школа — затея «поляка-архиерея» со смертью «за-

¹ *Верещагин А. С.* История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 2. С. 24–32. С. 31.

тейщика» «покончится». И, действительно, первые два месяца после смерти Л. Горки были временем ее полной дезорганизации. Однако уже в середине июня 1737 г. был получен указ Святейшего синода с требованием «содержать школы как было при жизни преосвященного Лаврентия во всем неотменно»¹. Славяно-латинская школа Л. Горки, вскоре после его смерти пришедшая в упадок, сравнительно быстро была восстановлена и на многие десятилетия стала одним из виднейших центров просвещения не только в Вятском крае, но и на территории всей Северо-Восточной России.

Подвижническая жизнь Горки стала предметом специального изучения со стороны вятских историков, начиная со второй половины XIX в. Неоценимый вклад в изучение личности Горки и его просветительской деятельности в Вятском крае внес замечательный местный историк А. С. Верещагин, живший в XIX в. Во многом благодаря его трудам мы имеем сейчас возможность представить то, каким образом начинался процесс просвещения на Вятке. Писатель Н. С. Лесков в своем сатирическом

произведении «Святительские тени» дал описание деятельности вятских епископов XVIII века. Будучи в этом вопросе человеком совершенно беспристрастным, Н. С. Лесков уничтожающими эпитетами («бонвиваны», «бражники», «скопидомы», «невежи» и т. п.) охарактеризовал всех вятских «архипастырей», за исключением Л. Горки, которого он признал достойным своего сана².

В исключительно яркой и самобытной личности Лаврентия Горки с особенной силой привлекают его негибаемая воля и настойчивость, огромная эрудиция и значительный литературный талант, стремление даже ценой собственной жизни развеять вековую тьму невежества, помочь народу в преодолении извечного российского отставания в области просвещения. До настоящего времени для вятского учительства Л. Горка выступает своего рода нравственным ориентиром. Его имя считается символом просветительства, беззаветного служения просвещению народа. Несмотря на свое непродолжительное пребывание «на Вятке», Л. Горка оставил по себе добрую, прошедшую сквозь века память.

¹ Помелов В. Б. Насилие гуманизма в деятельности первого вятского просветителя Лаврентия Горки // Традиции и новации в педагогике ненасилия: материалы всероссийской научной конференции / под ред. В. С. Данюшенкова и В. А. Ситарова. Киров, 1996. С. 79–81.

² Лесков Н. С. Святительские тени // Исторический вестник. 1881, № 5. С. 53–69.

Список литературы

1. Верецагин, А. С. История Вятской духовной семинарии / А. С. Верецагин // Вятские епархиальные ведомости. — 1868. — № 1. — С. 4—19.
2. Верецагин, А. С. История Вятской духовной семинарии / А. С. Верецагин // Вятские епархиальные ведомости. — 1868. — № 2. — С. 24—32.
3. Верецагин, А. С. История Вятской духовной семинарии / А. С. Верецагин // Вятские епархиальные ведомости. — 1868. — № 12. — С. 197—204.
4. Верецагин, А. С. Ученый южнорус на Вятке в XVIII в. / А. С. Верецагин // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1895 г. Отдел IV. — Вятка, 1894. — С. 302—321.
5. Верецагин, А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Эпизод V. Архиерейство на Вятке / А. С. Верецагин // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1902 г. — Вятка, 1901. — С. 50—102.
6. Вятский архиерейский дом и архиерейские вотчины 1827 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Выпуски 1—2, отдел 3. — Вятка, 1916.
7. Два прошения М. Е. Финицкого преосвященному Варлааму Скамницкому. 1743 и 1745 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Выпуск 3. Отдел 3. — Вятка, 1905. — С. 95—97.
8. Кудрявцев, И. М. Археографические экспедиции отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в 1953—1956 гг. / И. М. Кудрявцев, Б. А. Шлихтер, Я. Н. Шапов. — М., 1956. — С. 256—301.
9. Лесков, Н. С. Святительские тени / Н. С. Лесков // Исторический вестник. — 1881. — № 5. — С. 53—69.
10. Луппов, С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740 / С. П. Луппов. — Л., 1976. — 420 с.
11. Никитников, Г. А. Иерархия Вятской епархии / Г. А. Никитников. — Вятка, 1863. — 214 с.
12. Пекарский, П. История науки и литературы в России при императоре Петре Великом: в 2 т. — Т. 1. / П. Пекарский. — СПб., 1862. — 420 с.
13. Поздеев, В. А. Лаврентий Горка / В. А. Поздеев // Энциклопедия Земли Вятской: в 10 т. Т. 2. Литература. — Киров, 1995. — С. 29—30.
14. Помелов, В. Б. Насилие гуманизма в деятельности первого вятского просветителя Лаврентия Горки / В. Б. Помелов // Традиции и новации в педагогике ненасилия: материалы всероссийской научной конференции / под ред. В. С. Дачюшенкова и В. А. Ситарова. — Киров, 1996. — С. 79—81.
15. Преснецов, Р. М. «Который первый здесь науки насадил» / Р. М. Преснецов // Краеведческий сборник «Вятка» // под ред. Е. Д. Петряева. — Киров, 1975. — С. 107—112.